

УВИДЕВ ученицу Н. В. Беляковой Галину Мезенцеву на школьном спектакле, а может, это была и репетиция, за год до того как ее выпустили из училища, я потом не раз допытывался, что делает юная танцовщица, поразившая меня тогда необычайной сдушевленностью, но ответы были неутешительные. Необычность — плохое подспорье в начале пути. Ее прощают за безупречность технического совершенства, но если абсолютного совершенства еще нет, непривычного не любят, и танцовщица, по всем приметам долженствующая быть ба-

динаково хороша, но исполненных чисто техническим способом, каким, к сожалению, действуют многие, у нее не было, кажется, ни одного. Роль могла больше или меньше отвечать индивидуальности актрисы, но она всегда складывалась как попытка вынести на люди что-то важное для себя. Ей, как всякому, случалось заблуждаться, но она никогда не стремилась ввести в заблуждение других.

В Мезенцевой счастливо соединяются хорошая школа, подлинная одухотворенность и самобытная индивидуальность. На спектакль с ее участием зритель рвется не затем, чтобы увидеть еще раз «Лебеди-

стве случаев это ожидание оправдывается.

Е самом, кажется, затанцованном классическом спектакле, в «Лебедином озере», Мезенцева подкупает своеобразием понимания роли, в соответствии с которым проработана вся танцевальная ткань. Ее Одетта — необычайно сильна духом, она не просто доверяется принцу, но ждет, что он окажется равным ей по силе и стойкости. Тема любви и доверия, в русле которой, кстати сказать, отлично вела в свое время эту роль наставница Мезенцевой О. Моисеева, отступает тут перед темой великой надежды, и когда эта надежда ру-

рическое в белом лебедь, и все же трактовка Мезенцевой воплощена с такой внутренней отдачей, что не оставляет равнодушным. Ее «Лебединое озеро» обретает почти социальный смысл, оно оказывается по другую сторону споров о женском равноправии, где самостоятельность — неотъемлемая принадлежность женской судьбы, в которой нет больше места для слабости и мыслей о мужской поддержке. Конечно, как со всяким новым словом, с трактовкой Мезенцевой можно спорить, но отказать ей в том, что свой замысел она осуществила с истинным талантом, невозможно.

первые исполнители давно оставили сцену, Мезенцева оказалась одной из очень немногих среди новых, кто легко овладел самобытным и совсем иным, чем в «Соборе», языком. Она непринужденно и остро заговорила на нем в трудной партии Эгины. Уже эти примеры — свидетельство готовности балерины к обновлению хореографии, к ее насыщению современным духом.

Но диапазон ее обозначает еще и традиционная «Жизель», где современное по духу сростается у балерины со старой романтической традицией, в ее исполнении неуязвимо живой. В особенности следует

естественно, не только не дошла до своего потолка, но далеко еще не развернула свои возможности. Мы не только можем, но и должны быть предельно строги к каждому выходу молодой балерины на сцену, ибо она в состоянии ответить самым строгим требованиям. Давно известно: кому много дано, с того много и спросится.

Но только откуда публика знает, что актеру много дано, если не по уже сделанному? Специалист угадывает в гадком утенке лебедя, но зритель обязательно должен увидеть лебедя, поэтому общественное признание того, что «много дано», означает признание того, что не так уж мало сделано.

Сегодня очевидно: Мезенцева — самая яркая балерина, какую Ленинградское хореографическое училище выпустило за двадцать лет, начиная с 1960 года. Оспорить это не может никто. И публичное признание этого существования. Художнику нужно ощущать, что его самоотверженное служение искусству не личное дело, даже поэт отдается вдохновению не для того, чтобы складывать стихи в стол, а уж тем более балерина, искусство которой только на виду и существует. Живые ростки подлинного искусства непременно должны получать общественное признание, которое, увы, нередко приходит к истинным талантам с опозданием, а подделкам зачастую достается легко. Дарование Мезенцевой — неподдельное, и потому верится, что на признание она ответит еще большей взыскательностью к себе.

Чтобы дальше расти и совершенствоваться, молодой актрисе нужно не только продолжать овладение традициями театра во всем их многообразии, но и принятая за работу над совсем новыми ролями, ориентированными на ее дарование, и в спектаклях не случайных, а созданных хореографами настоящего таланта и близкого актрисе склада. Но и предоставление ей такой возможности тоже было бы формой и следствием признания. Оно послужило бы залогом будущего, и это, быть может, важнее всего.

П. КАРП

● Г. Мезенцева в балете «Жизель».
● На репетиции.
Фото И. Сабадаша

● ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

УВИДЕТЬ БЕЛОГО ЛЕБЕДЯ...

лериной, отодвигается в кордебалет. А там, понятное дело, ценятся другие достоинства, и непривычность обращается в очевидный недостаток. Преодолеть такую инерцию нелегко. Хорошо, если серьезный хореограф ставит в театре новый спектакль и тебя заметит, а без этого, когда единственный путь к самоутверждению ведет через старый репертуар, ожидания обычно напрасны.

Признаем же событием то, что они все больше начинают сбываться. Ведь сегодня для многих именно с Мезенцевой связана вера в поддержание того особого уровня артистизма, который всегда отличал петербургских и ленинградских балерин — от Преображенской до Спесивцевой, от Семеновой до Колпаковой.

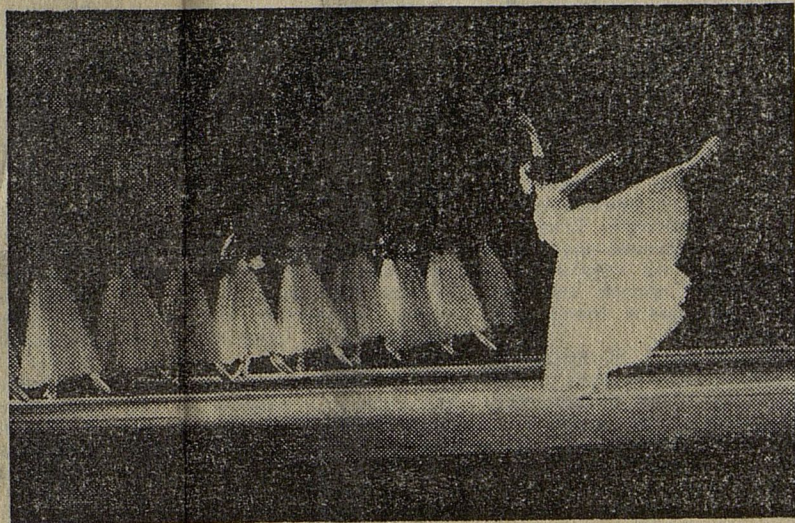
Мезенцева успела станцевать почти всевидущие в театре классические и лучшие советские балеты. Я, разумеется, не собираюсь утверждать, что во всех она была

ное озеро» в гарантированно качественном исполнении, и не за тем, чтобы еще раз поглядеть на полюбившуюся виртуозку. Интерес возбуждает сама встреча актрисы со спектаклем, ее отношение к нему, тот новый свет, которым оча его озарит. И в большин-

шится, открывается не душевная драма XIX века, а современная трагедия. Одилия, напротив, лишена всякой серьезности и силы, она легкомысленна и переменчива, то есть безответственна, и противостоит Одетте именно этим.

Мне ближе традиционно ли-

Если в «Лебедином озере» актриса демонстрирует приверженность к современному содержанию, то в «Соборе Парижской богородицы» — владение современной формой. Непривычная хореография французского балетмейстера оказалась трудна для многих наших артистов, но не для Мезенцевой, которая освоила новый язык легко и чутко, с успехом соперничая в новой роли не только с другими актрисами своего театра, но и с французженками. Актриса ощущает заданную форму как полную смысла, и не только естественна в ней, но благодаря своей естественности обогащает ее живыми стенками и интонациями, без которых любой, самый канонический балет превращается в пустой набор движений. Роль Эсмеральды стала у Мезенцевой истинным шедевром. И здесь невольно вспоминается, что, войдя в балет Л. Якобсона «Спартак» через двадцать лет после премьеры, когда

это сказать о втором акте, танцуемом как бы на едином дыхании. Свою даже несколько задорную, чуть ли не озорную Жизель Мезенцева превращает во втором акте в истинную виллису, парящую тень, призрак, но эта бесплотная тень сохраняет душевную стойкость и готовность защищать то, чем дорожит душа. Балерин, у которых исполнение второго акта достигало бы подобной духовной полноты, в советском театре можно буквально по пальцам сосчитать.

Я вполне сознаю, что такие слова, сказанные даже об одном акте одной только роли, влекут за собой неизбежный встречный вопрос: неужели у Мезенцевой все безупречно прекрасно и критика способна лишь присоединиться к овациям публики? Но подобное заявление стало бы весьма сомнительной похвалой — ведь Мезенцева по-настоящему работает всего семь лет и,